

списку XIII–XIV вв. и берестяных грамотах. Отмечается, что во всех зафиксированных случаях **даже** сочетается с глагольными формами настоящего времени, ср., например: **да же кто запъртити или тоу дань и се блудо . да соудити кмоу бѣ въ днь пришествиѣ своего и тѣ стын** [г](ѣ)в)ргин (Мст. гр.) – «Если кто-нибудь испортит ту (указанную выше) дань или это блудо, пусть судит его Бог в день пришествия Своего и тот святой Георгии».

В связи с этим в докладе выдвигается предположение о том, что данная служебная единица возникла на основе конструкции **да + praes.**, при помощи которой, вероятно, могло передаваться не только опативное и императивное, но и условное значение.

1.2. В качестве косвенного доказательства этой гипотезы рассматриваются особенности употребления в современном русском языке синтаксических конструкций с частицей **пусть** (которыми обычно переводится оборот **да + praes.**). В ряде случаев такие конструкции выражают не опативное или императивное значение, а идею допущения, весьма близкую условному смыслу, ср. «*пусть угрозы*»: *Пусть только попробует!* – а также «математическое» *пусть* в контекстах типа доказательства от противного: *Пусть сумма углов треугольника не равна 180 градусам*. Ср. предлагаемое В. А. Апресян толкование **пусть 1.1**: *пусть A1* ‘Говорящий выражает желание, чтобы имела место A1’ (*Пусть всегда будет солнце!*). При этом отмечается, что в условиях задач данная лексема имеет значение **спец.** ‘предположим, что’ (*Пусть прямая AB параллельна прямой CD*) и, кроме того, **пусть 1.1**, будучи произнесено со специальной интонацией, может выражать угрозу или предостережение (*Пусть только попробует!*) [1: 203–204].

1.3. Примеры из памятников указанного ареала позволяют предположить, что частица **же**, употребляясь внутри данной конструкции, первоначально вносила противительный смысл, который в комбинации с условным смыслом **да + praes.** давал значение, сходное с современными *если же / если, напротив* и под. Ср.: **а намъ дела рекше лихвы тако велаше оучити <...> еже простѣца то рци емоу не достонити имати и намъ мнѣ рци грѣхъ не моливше . да же не могоуѣ сѣ хавити . то рци имъ боудите мѣрди . възмѣте легко** (Вопр. Кириково, л. 17 б–18 а) (цит. по [4: 351]) – «А про проценты, называемые лихвой, (Нифонт) так велел наставлять: <...> [если учишь] мирянина, то скажи ему: «Не следует брать процентов, а мне, – скажи, – грех не сказать об этом». Если же они не могут удержаться, то скажи им: «Будьте милосердны! Берите мало».

2. В докладе проводится сопоставление **даже** с целевым союзом **дати (дѣти)**, для которого А. А. Зализняк, проана-

лизировавший употребление этого союза в берестяных грамотах, отмечает избирательную сочетаемость с настоящим временем глагола и предполагает, что данная лексема возникла на базе той же конструкции **да + praes.** (однако здесь в целевом значении) с присоединенной к ней частицей **ти** в усилительной функции [2: 198–200].

3. Тем самым, реконструируемая история **даже** служит еще одним аргументом, подтверждающим предположение А. А. Зализняка о существовании конструкции **да + praes.** в живом языке северных кривичей, имеющих многочисленные общие изоглоссы с южными и западными славянами.

Очевидно, однако, что данная синтаксическая черта была распространена у восточных славян и шире – союз **даже** в условном значении, сочетающийся с глаголами в форме настоящего времени, фиксируется, например, и в Киевской летописи. Но именно в новгородской зоне употребление **да же + praes.**, по-видимому, было весьма активным (так же, как, например, обстояло дело с частицей **ти**, представленной в самых разных древнерусских памятниках, но особенно частотной именно в северокривичском диалекте). В любом случае, контексты, подобные концовке Мстиславовой грамоты – **да соудити кмоу бѣ въ днь пришествиѣ своего и тѣ стын** [г](ѣ)в)ргин – кажется возможным объяснить из живого языка, не прибегая к предположению о влиянии языка книжного – влиянии, несвойственном деловым памятникам.

4. В связи со сказанным интересно отметить, что форма повелительного наклонения, которая в современном русском может, как известно, передавать значение условия, восходит к индоевропейскому опативу, ср.: «Ни одна славянская форма не представляется продолжением индоевропейского повелительного наклонения. Славянское повелительное наклонение продолжает индоевропейский опатив (желательное наклонение). Подобного состояния мы не находим нигде за пределами славянских языков. Индоевропейский опатив <...> означает возможность и пожелание» [3: 264].

Этот факт также наглядно демонстрирует, что смыслы ‘побудительность’ / ‘желательность’ и ‘условие’ исходно представляли собою единый семантический комплекс.

Литература

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Е., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В., Проспект активного словаря русского языка. М., 2010.
2. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
3. Мейе А. Общеславянский язык. М., 2001.
4. Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2001.

Генетическая парадигма как единица диахронического описания лексической системы русского языка

Н. В. Пятаева

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

pjataeva@yandex.ru

Лексическое гнездо, словообразовательное гнездо, корневое гнездо, этимологическое гнездо, генетическая парадигма.

Summary. The report addresses the problems of a diachronic description of the lexical-semantic system of the Russian language from the Proto-Slavic to the present state of research on the basis of genetically close vocabulary, merged in word-formative and etymological root socket. The author proves the possibility and the need to highlight the new complex lexical units – the genetic paradigm, within which combine several etymological nests on the basis of genetic and semantic commonality components.

Одним из способов группировки лексики является **лексическое гнездо** (ЛГ) – общность однокоренных слов, в составе которого слова связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре. При гнездовании слов, включающем операции определения синхронных границ гнезда и установления состава однокоренных слов, возникает необходимость в разграничении синхронического и диахронического подходов к словообразованию.

В синхронном плане ЛГ представляет собой совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченную в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации, т. е. является **гнездом словообразовательным** (СГ). Однако не все однокоренные слова составляют СГ. Нельзя не признать правомерным предложенное А. Н. Тихоновым разграничение словообразовательных и **корневых гнезд** (КГ). КГ оп-

ределяется нами как общность однокоренных слов, состоящая из двух и более СГ, вершинами которых являются слова со связанными корнями, сохранившими в своей глубинной структуре определенную семантическую близость, но утратившие на данном (синхронном) уровне развития языка словообразовательные отношения друг с другом в результате процесса **дезтимологизации**, то есть фонетического расщепления и / или семантических изменений в морфемной структуре некогда однокоренных слов, приводящих к их расщеплению и вследствие этого к распаду некогда единого СГ на несколько самостоятельных гнезд, ср. такие дезтимологизированные пары, как *грусть – груда, лопасть – лопа-та, свеча – свет, рожа – расти, печь – печенье – печаль*.

Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, развитие и распад лексических гнезд – важнейшая задача диахронической де-

риватологии, объектом которой является **этимологическое гнездо** (ЭГ). Ж. Ж. Варбот, в работах которой впервые в отечественной лингвистике разрабатываются теоретические проблемы реконструкции состава ЭГ на материале русского и славянских языков, определяет ЭГ как группу генетически родственных слов, включающую все когда-либо существовавшие на протяжении истории данного языка рефлексыв определенного корня, реконструированного для праязыка основы.

Наблюдения за развитием ЭГ с общеславянскими корнями *em- 'брать, иметь' и *ber- 'брать' в истории русского языка позволили дополнить на конкретном материале методику реконструкции состава ЭГ приемами сравнительно-сопоставительного изучения тождественных по структуре СГ, принадлежащих синонимичным корневым группам. Динамическое рассмотрение этих синонимичных ЭГ в разные периоды развития русского языка (праславянский уровень, русский язык XI–XVII вв., русский язык конца XVII – начала XIX в., современный русский язык с привлечением лексики современных говоров) показало, что 1) определяющая роль в их формировании принадлежала семантическим процессам, которые характеризовались двумя основными тенденциями: активным обогащением смысловых структур слов, развитием различных переносных значений, связанных в большинстве своем с формированием разнообразных сфер отвлеченной лексики; усилением тенденции к семантической специализации слов, к уточнению и дифференциации их значений; 2) на всем протяжении функционирования синонимичных ЭГ в них осуществлялись количественные (рост лексических единиц, усложнение словообразовательной системы за счет увеличения числа СГ) и качественные (обогащение семантической структуры в результате действия процессов концентрации и филиации значений вокруг определенных смысловых центров) изменения.

В смысловой структуре ЛГ *em- оформилась система отвлеченных понятий мыслительной и духовной деятельности человека: 'остановить внимание на чем-л., подвергнуть рассмотрению' (*взять*), 'осмыслять, постигать содержание, смысл чего-л.' (*понимать, понятие*), 'охватить в полном объеме содержание, сущность чего-л.' (*объять*), 'оказывать дружеское расположение' (*приятствовать, приятель*), 'обладать, располагать кем-, чем-л.' (*иметь*) и др.

Напротив, семантика ЛГ *ber- сосредоточилась на обозначении конкретных физических действий приобщения объекта и производных от них понятий: 'принимать в руки' (*брать*), 'взять кое-что из множества' (*выбрать*), 'взять, собрать дополнительно' (*добрать*), 'взять, собрать какое-л. количество чего-л. или, собирая, составить' (*набрать*), 'ап-

парат для производства какой-л. работы, регулирования, контроля и т. п.' (*прибор*) и др. Об общности и пересечении значений в развитии этих двух корней свидетельствует наличие в современном русском языке супплетивного видообразования между их глагольными рефлексивами: *брать* (НСВ) и *взять* (СВ).

Более того, в процессе исследования праславянской и древнерусской семантики указанных ЛГ была обнаружена логическая связь их значений с семантикой лексических гнезд *db- (*давать, дать*) и *nesti (*нести*). Семантический ряд, образуемый вершинами этих ЛГ, мы назвали **генетической парадигмой**, опорные слова которой (*давать* → *дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: 'приобщаемый объект' и 'действие субъекта, направленное на приобщаемый объект'. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *db- имел значения 'дать / давать', 'брать', 'нести' (ср. проявления связи значений 'давать' и 'брать / взять' в болгарском идиоматическом сочетании *имам вземане* – *даване* 'иметь общие дела с кем-л.'). и.-е. *bher- 'нести' в праславянском развивает значение 'брать', становясь синонимичным и.-е. *em- 'брать / взять', который позднее приобретает значение 'иметь', существующее параллельно с изначальным на всем протяжении истории русского и родственных славянских языков.

Итак, следует признать, что слово возникает на скрещении, пересечении различных структур языка, поэтому определение лексики любого языка как системы, то есть как упорядоченного и целостного единства, означает, что нет и не может быть таких изменений в ней, которые произошли бы помимо системы и которые так или иначе не затронули бы общей системной организации словарного состава языка. Из этого следует, что исследование лексических гнезд и более крупных их объединений (в частности, генетических парадигм) актуально и в синхронном и в диахроническом планах. Если на синхронном уровне лексическая система русского языка уже достаточно изучена, то создание полного и систематического очерка русской исторической лексикологии – одна из самых существенных и весьма сложных задач русистики наших дней. Можно надеяться, что намеченные пути динамического (синхронно-диахронического) описания групп лексических гнезд будут способствовать обнаружению еще непознанных закономерностей развития и функционирования лексики русского языка в составе генетических парадигм, помогут объяснить утрату в языке тех или иных слов и наметить возможные перспективы пополнения лексической системы новыми компонентами.

История формирования модальных связей со значением обнаружения

Д. В. Руднев

Санкт-Петербургский государственный университет

rudnevdm@mail.ru

Русский язык; история русского языка; исторический синтаксис; составное именное сказуемое; связка.

Summary. The report examines the history of copulative verbs *obrestis**, *naytis**, *yavit'sya*, and *okazat'sya* with modal meaning of detection. The formation of these copulas occurred in two models. It is concluded about the conditions of development of copulative use and abstract meaning of full-meaning verbs and the reasons for leaving all these copulas except *okazat'sya* from the Russian language.

Модальные связки выражают оценку предикативного признака со стороны говорящего; вариантами модального значения являются подлинность, мнимость, кажимость, соответствие или несоответствие общему мнению и нек. др. Исходя из варианта значения, представленного в модальных связках, их делят на три группы: а) связки со значением мнимости (*казаться* и пр.); б) связки со значением обнаружения подлинности предикативного признака (*оказаться* и др.); в) связки со значением общего мнения, или условности (*считаться* и др.). В рамках доклада рассматривается история связок со значением обнаружения подлинности предикативного признака.

В истории русского языка это модальное значение выражалось связочными глаголами *обрестись*, *явиться*, *найтись*, *оказаться*, которые в разное время сформировали свое значение на основе двух моделей: 1) *обрестись* и *найтись* – на основе значения обнаружения; 2) *явиться*, *ока-*

заться – на основе значения самопроявления («показать, проявить себя»).

1) Наиболее древней из перечисленных связок является глагол *обрестись*; его связочное употребление в значении «оказаться кем, чем-л., каким-л.» отмечается начиная с XI в.: *Не видишь еси Ха, не ходишь еси по немъ, како ученикъ его обрѣтеся* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона). Такое употребление широко встречается вплоть до XVII – начала XVIII в.: *...и сице обрѣтохся язъ сирѣ есмь и нищъ и струпень велми, чюжеземствуя на далнѣй земли, прося от мѣста до мѣста милостыни в скорби моеи сей злой* (Повесть о семи мудрецах).

К началу XVIII в. связочный глагол *обрестись* архаизировался и началось формирование связки *найтись* по той же модели. Первые случаи связочного употребления глагола *найтись* относятся к первой трети XVIII в.: *А кой двор между теми двораы найдетца иногo приходу, то на тех во-*